

«Так жить, как сейчас, совсем нельзя»

Окончание. Начало на стр. 1

Мой зритель в кино не ходит, потому что у него, как правило, нет денег на посещение современного кинотеатра. Для моего зрителя противен сам запах этих кинотеатров, противны фильмы, которые там показывают, и противны люди, жующие рядом поп-корн. Вот что-то, а поп-корн у меня никак не монтируется с представлением о кино! Слава богу, что в театре и в консерватории пока не жуют поп-корн.

— Прошло 15 лет с тех пор, как вы сняли нашумевший фильм «Так жить нельзя». А так, как мы сегодня живем, жить можно?

— Стало еще хуже. Упаси господи, чтобы я мечтал о возврате советских времен. Но в те годы мы ведь мечтали о другом. Надеялись построить демократическую Россию, ради этого я и стал заниматься политикой. Но я же стал политиком не с приходом в Думу, а с моих выступлений в газетах, с моих документальных фильмов.

Теперь мы построили криминальную страну. Мы думали, что совершаем демократическую революцию, а совершили криминальную. Нужно помнить историю: революции задумывают романтики, совершают фанатики, а ее плодами пользуются негодяи. Плодами демократической революции 1985–1991 годов воспользовались негодяи, а после буржуазного переворота 1991 года страной стали править просто жулики. Помните убийства в начале 90-х олигархов, сколотивших миллиардные состояния в течение года? Страну просто разграбили.

Так, как сейчас, тоже жить нельзя. Я был убежден, что горбачевские реформы приведут к рождению новой демократической страны, а получилось то, что получилось. Поэтому потом я и снял «Великую криминальную революцию». Этот фильм, кстати, до сих пор не показал ни один телеканал.

— Я недавно узнал, что бывшие партийные работники приравнены к госслужащим и получают теперь соответствующую пенсию. В таком случае за что боролись в августе 1991 года? Что тогда вы защищали в Белом доме, если бывшие функционеры антинародной партии получают повышенную пенсию?

В стране произошла культурная, эстетическая революция, другими словами – абсолютная деградация

— Мы были одураченной публикой, потому что освобождали путь вора и жуликам.

— Вы интеллигенцию называете одураченной публикой?

— Да, это всегда самая одураченная публика.

— Что, и Ростропович с автоматом тоже зря стоял?

— Я с ним в свое время поспорил на ящик шампанского, что он будет стыдиться того, что защищал Ельцина. Потом мы встречались несколько раз... Но разве он признается, что он делал это зря?

— Ради чего тогда погибли в 91-м трое парней?

— На них никто не нападал. Это они закрыли смотровые щели в танках и сами же под гусеницы попали. Может быть, они не были пьяными и обкуренными, но в это сложно поверить, потому что в те три августовских дня все были выпившие. То, что их никто специально не давил, точно известно. Никакого геройства в этом нет, да и танки уходили от Белого дома в свою часть. Вы лучше вспомните следующий переворот – октябрь 1993 года. Вот тогда танки действительно шуровали по Белому дому.

— В 1991 году вам предлагали пост министра культуры. Почему вы отказались?

— Я тогда подумал-подумал – ну какой из меня чиновник? Работать в парламенте действующим политиком – это одно, а руководить отраслью – совсем другое, это очень сложно. Кроме того, я знаю свой характер.

— А по депутатскому креслу не скучаете?

— Нет. Те три срока, которые я отбывал там, были очень активными. В 1996 году, когда я возглавил в Думе комитет по культуре, кинематограф находился в ужасающем состоянии. По «Мосфильму» бегали крысы. Представляете, женщина в одиночку не могла пройти там по коридору. Все студии были закрыты. Пустой «Мосфильм» – это было страшное зрелище. А студия «Ленфильм» или Киностудия имени Горького – еще в худшем состоянии: разруха, как после войны. Да и сама культура находилась в бедственном положении.

Именно тогда мы приняли закон о государственной поддержке кинематографа. С тех пор кино стало расти как на дрожжах, появилось и частное финансирование. Сегодня кино стало выгодным делом. Еще мы освободили кинематограф от НДС на века – это записано в Бюджетном кодексе. Это послабление очень сильно повлияло на возрождение отрасли. До моего прихода в парламент культура финансировалась на 50–60 процентов. В последние годы она уже финансируется на 100, а то и на 120 процентов за счет дополнительных доходов.

— Сейчас бываете в Думе?

— Иногда.

— Не корбит отсутствие там ярких личностей?

— Думу всегда ругали за отсутствие в ней лиц. Между тем там были нобелевские лауреаты, прекрасные ученые, замечательные военачальники и настоящие художники. Но очевидно, что сегодняшний парламент избран не демократическим способом и он не может отстаивать интересы народа.

У нас не появляются и не могут появиться новые политики, ибо на самом низком уровне все решают деньги и административный ресурс. Как же так? У нас что, нет людей образованных и способных управлять государством? Есть. Но они никогда не могут подняться в выс-

Мы думали, что совершаем демократическую революцию, а совершили криминальную

шие эшелоны власти, потому что их зарубят в самом начале.

— Вы всегда критикуете власть, а она никак вам не отвечает за вашу критику.

— Я говорю правду – то, что думаю и то, что очевидно каждому. Кроме того, мне кажется, что это обязанность художника – критически относиться к власти, особенно когда власть недостаточно заботится о своем народе.

— Для этого вы и пошли в политику. Но вот непонятно: как вам удалось в первый раз стать депутатом, кажется, от компартии, а второй – от лужковского «Отечества»?

— У вас неправильная информация. Я никогда не был ни членом КПСС, ни членом КППРФ. Вспомните мой фильм «Так жить нельзя». Люди после его просмотра выходили и сжигали свои партбилеты на площадях. Так что я никогда не был с коммунистами. В первый раз я был в Думе председателем фракции ДПР.

Что касается блока «Отечество», то я оказался в партии двух людей, которым безгранично доверял и которых уважаю до сих пор. Это Юрий Лужков и Евгений Примаков. Они доказали делом, на что они способны. Посмотрите на Москву и сравните – как она изменилась с советских времен! Вспомните те восемь месяцев, когда Примаков был премьером, учитывая, что он взял страну просто в катастрофическом состоянии после дефолта.

Конечно, кто-то из них мог и должен был стать президентом, если бы не началась позорная кампания – вспомните этого мерзавца Доренко. Вспомните, что он молчал в своей программе: и что Примаков завтра умрет, и что он живет только на одних таблетках, и что у него

вот такое бедро, даже схему показал, и что против Лужкова возбуждены сотни уголовных дел. Евгений Максимович до сих пор, слава богу, жив-здоров, а Лужков выиграл у Доренко все суды.

— В ваших последних фильмах очень заметна прежде всего ваша гражданская позиция. Но ведь у вас была и замечательная экранизация «Тома Сойера». Не хотелось бы снять что-то похожее на ту романтику?

— Ну сколько можно этим заниматься! Я же десять лет потратил на детское кино – «Приключения Робинзона Крузо», «Дети капитана Гранта», «Том Сойер», «Пираты XX века». Свой вклад в воспитание подрастающего поколения я внес, и этого достаточно. У меня много других идей, и мне хочется их осуществить.

— Недавно посмотрел по ТВ «Пиратов XX века». Если честно, после нынешних боевиков смотрел с улыбкой.

— На фоне современных боевиков он кажется изящной романтической картиной. Мне за него не стыдно, а вот от сегодняшних боевиков мутит. — Парадокс получается, Станислав Сергеевич. Кино ожило, народ в очереди стоит за билетами в кинотеатр, а вы недовольны.

— Одновременно с этим в стране произошла культурная, эстетическая революция, другими словами – абсолютная деградация. Теперь наша молодежь ничем не отличается от тупых американцев или обкуренных голландцев. Пожалуй, даже тупее и глупее.

— Что же вы хотите, если столько лет их учили смеяться над своей родиной...

— Что есть, то есть. Есть и ополчение, и изолгание истории. Да что мы говорим о стране, которая позволя-

ет главным телеканалам показывать фильмы, где американцы убивают русских и где русские выставляются придурками. Вспомните хотя бы того пьяного русского космонавта с кувалдой и в шапке-ушанке в каком-то американском фильме. О каком патриотизме можно говорить после этого? Кажется, еще Пушкин говорил: «Уважение к минувшему – вот что отличает человека от дикаря».

— Тех, кто говорит об этом, обычно тут же записывают в ретрограды или в коммунисты...

— Меня всегда объявляли ретроградом. Наверное, после моих высказываний меня можно записать и в коммунисты, но это не так, они у меня отца отняли.

— Вы назвали интеллигенцию «самой одураченной публикой». Кому тогда можно верить простому человеку?

— Никому. Если бы у меня была надежда на армию, то я сказал бы, что ей. Но ее довели до такого состояния, что военные просто вынуждены побираться и воровать.

— Если проследить хронологию, то перерыв между вашими фильмами длится обычно два года.

— При советской власти я снимал фильмы раз в два года. Когда я работал в Думе, перерыв был больше. За 10 лет, пока был в парламенте, снял всего полторы картины. Сегодня на подготовку к фильму тоже уходит год. Раньше этот год уходил на утверждение сценария в Госкино, на то, на се. Сегодня больше времени уходит на поиск денег. Это может быть и год, и три. Но сегодняшнему зрителю серьезное кино все равно не интересно... И это при том, что у нас достаточно «звезд» занято. В «Не хлебом единым», к примеру, играет талантливый и суперпопулярный Виктор Сухоруков, а Александр Розенбаум впервые сыграл там первую драматическую роль. Но это ничего не изменит, потому что люди, которые приходят в кино, воспитаны на Голливуде.

ГЕННАДИЙ АБРАМЕНКО

